

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

архим. Авраамий

**Деревня Дун-дин-ань:
Мукденские миссионерские
воспоминания**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1904. № 11. С.742-749.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Деревня Дунъ-динъ-ань.

Мукденскія миссіонерскія воспоминанія *).

III.

В АПАСШИСЬ всѣмъ необходимымъ, какъ-то одеждой, сахарами, деньгами, я не оставилъ на этотъ разъ и заботы о топливѣ: взялъ съ собою древеснаго и каменнаго угля. Можно было подумать, что мы собрались ѣхать по крайней мѣрѣ за тысячу верстъ. Меня сопровождали трое пѣвчихъ, изъ которыхъ съ однимъ я могъ уже немного объясняться на полурусскомъ и полукитайскомъ языкѣ. Кажется все было предусмотрено, чтобы не терпѣть нужды въ самомъ необходимомъ, но и на этотъ разъ оказалось, что безъ „горя“ и „тѣсноты“ миссіонеру невозможно обойтись. Пріѣздъ мой въ Дунъ-динъ-ань сопровождался точно такой же встрѣчей, какъ и прежде, обстановка была та же самая. Надо было найти человѣка, который бы готовилъ пищу, надо было знать изъ чего готовить. „Поварь“ нашелся скоро,—раньше онъ уже служилъ у кого-то изъ оо. миссіонеровъ, но относительно приварка не такъ-то легко было устроиться. Впрочемъ, деревня могла предложить морковь, горохъ, фасоль, кукурузу, бобы разныхъ видовъ; пшеничную муку и картофель также можно было достать, хотя и съ трудомъ, только капусты не было. Служба въ церкви, предшествуемая обычной уборкой, началась обычнымъ порядкомъ, но уже на второй и третій день прихожане почти прекратили посѣщеніе церкви. Я объяснилъ имъ черезъ катехизатора, что для меня молиться наединѣ можно было бы и дома, въ Пекинѣ, и что если я пріѣхать въ деревню, такъ это исключительно за тѣмъ, чтобы дать возможность имъ (прихожанамъ) поговѣть и пріобщиться св. таинъ. Тогда церковь опять стали посѣ-

*) Окончаніе. См. октябрь.

щать человекъ десять. Такъ дни говѣнья продолжались, свободнаго времени, между службами, почти не оставалось. тѣмъ болѣе, что и посѣтители отнимали много времени; опять некогда было ознакомиться съ деревней. Много разъ приходили ко мнѣ дѣти, школьники. Однажды ихъ собралось человекъ двадцать. Вели себя они развязно, заговаривали со мной, шалили; я кормилъ ихъ привезенными съ собою сухарями и все имъ роздалъ. такъ что снова посылать въ Пекинъ за провизіей.

Когда пришло время исповѣди, я велѣлъ катехизатору собрать говѣльщиковъ и напомнить имъ смыслъ и значеніе исповѣди. „О, да,—мы знаемъ грѣхи наши, говорили христіане-китайцы, мы знаемъ, что мы—грѣшники и просимъ помолиться за насъ Богу, чтобы Онъ не наказалъ насъ неурожаемъ и другими бѣдствіями“. Лишь одна старушка съ наивностью дитяти увѣряла, что грѣшники могутъ быть развѣ лишь въ Пекинѣ, гдѣ народъ живетъ въ довольствѣ: „мы, говорила она, люди бѣдные, рабочіе, какіе ужъ за нами грѣхи?“ На исповѣди, читанной мной по тетрадкѣ, затрудненіе встрѣтилось при припоминаніи и произношеніи „исповѣдниками“ своихъ именъ; нѣкоторымъ нелегко удавалось выговаривать свои христіанскія имена, а другіе и совсѣмъ не могли припомнить, такъ что надо было спрашивать у сосѣдѣй; по свойству китайскаго языка съ особеннымъ трудомъ запоминались имена Елизавета, Никифоръ, Митрофанъ, Евлампія. „Исповѣдниковъ“ оказалось человекъ двѣнадцать. Крестное знаменіе полагалось не всѣми одинаково твердо. Въ этомъ я винилъ самого себя, почему такъ рѣдко посѣщалъ деревню и недостаточно ревностно работать тамъ по наставленію вѣрующихъ.

Обратной дорогой въ Пекинъ, проѣзжая мимо одного городка, я обратилъ вниманіе на зданія одной изъ американскихъ миссій. Восьмигранная башня смѣло выступала на уголъ квартала, придавая всему городку особый видъ и красоту. „Вотъ; подумалъ я, люди работаютъ, откуда у нихъ что берется: сыны вѣка сего мудрѣе сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть. Надо и мнѣ, обдумавъ приемы и дѣйствія, собравшись съ силами, спѣшить опять въ Дунь-динь-ань, чтобы настойчиво, систематически вести дѣло проповѣди и поддержаніе благочестія среди крестившихся 30-тъ лѣтъ тому назадъ и забывающихъ вѣру“. Но нескоро удалось исполнить это намѣреніе. По приѣздѣ моемъ въ Пекинъ сначала шли приготовленія къ Пасхѣ, потомъ начались работы по ремонту, потомъ—переборка библіотеки, ежедневныя занятія въ школѣ... Такъ прошло лѣто, а осенью, въ престольный праздникъ св. Иннокентія, въ деревню былъ командированъ другой іеромонахъ, такъ что мнѣ пришлось посѣтить Дунь-динь-ань лишь ровно черезъ годъ, опять въ великомъ посту. Этотъ годъ былъ 1900-ый.

IV.

Въ этотъ прїѣздъ я уже не нуждался въ переводчикѣ, я могъ самъ понимать разговорную рѣчь, хотя и съ трудомъ, и кое-какъ объясниться съ китайцами. Воспользовавшись случаемъ, что катехизаторъ былъ другой, болѣе ревностный къ проповѣданію слова Божія, я съ перваго же дня моего прїѣзда приложилъ стараніе къ тому, чтобы устроить бесѣды и собрать слушателей. Такъ какъ пора была рабочая, то трудно было требовать отъ мужчинъ аккуратнаго посѣщенія церкви днемъ. Женщины же изъ скромности не хотѣли собираться въ церкви въ часы не положенные для богослуженія, такъ что пришлось собираться въ частныхъ домахъ для бесѣды.

Приготовивши заранѣе программу и провѣривъ всѣ ссылки на мѣста Св. Писанія, я съ двумя катехизаторами, старымъ и новымъ, отправился въ избранный на этотъ разъ домъ. Приняли насъ, повидимому, радушно. Изложеніе предмета (было избрано понятіе о Богѣ, какъ Творцѣ міра) замедлялось тѣмъ, что приходилось по три раза повторять одно и то же: я говорилъ по-русски (во избѣжаніе ошибокъ) новому катехизатору, пекинцу, тотъ пересказывалъ мои слова по-китайски, на пекинскомъ нарѣчїи, прежнему катехизатору, дундинаньцу, который говорилъ уже слушателямъ на ихъ мѣстномъ нарѣчїи. Потомъ слѣдовали вопросы, приходилось по нѣсколько разъ повторять сказанное, переспрашивать опять и т. д. Въ результатъ получилось, что затративъ вдвое болѣе предполагаемаго времени, мы не прошли и половины того, что предполагалось по программѣ. Да и слушателями нашими были лишь: одинъ старикъ, навѣрное глухой, двѣ старухи и нѣсколько дѣтей. Поджавъ подъ себя ноги, они сидѣли на „кану“—это особый родъ лежанки. Посрединѣ тѣсной комнаты стоялъ столъ, съ предложенными на немъ лакомствами. Замѣтивъ утомленіе своихъ слушателей, мы прекратили бесѣду. На другой день оказалось, что наши слушатели многое забыли изъ слышаннаго вчера, въ памяти ихъ остались лишь кое-какіе примѣры, поэтому пришлось повторять „пройденное“. А на слѣдующій—день хозяева уже отказали намъ въ помѣщеніи. Тогда мы обратились въ миссійскую нашу школу, недавно открытую новымъ катехизаторомъ. Въ нее ходили семь мальчиковъ, нѣкоторые изъ нихъ не были еще крещены. Они проходили краткій молитвословъ, краткую св. исторію, начатки ученія православной вѣры, но безъ объясненій пока лишь заучивали, по китайскому обыкновенію, текстъ книги наизусть. Приступая къ толкованію заученнаго, надо было провѣрить знанія. Экзамень показалъ, что за короткое время, не больше какъ въ два мѣсяца, дѣти усвоили не мало: читали наизусть текстъ книги, отвѣчали на вопросы изъ исторіи и вполне сознательно, даже знали хронологію.

Я весьма утѣшился такими успѣхами, хвалилъ катехизатора, обѣщая ему обратить на его дѣятельность вниманіе начальника миссіи. Послѣдній тогда уже выразилъ намѣреніе лично пріѣхать въ Дунь-динь-ань. Въ видахъ этой встрѣчи, мы приступили къ небольшому ремонту помещенія, рѣшили перебрать потолоки, сдѣлать перегородку въ комнатѣ, выкрасить окна и двери. Но тутъ опять пришлось испытать неприятности. Нѣкоторыя покупки на базарѣ, какъ-то: краски, масло и пр., я поручилъ сдѣлать молодому катехизатору. Онъ взялся, хотя самъ не ходилъ на базаръ, такъ какъ здѣсь это считается унизительнымъ для высокаго званія учителя. Когда покупки уже были сдѣланы, надо было принять счета отъ лавокъ, перевести ихъ на русскій языкъ и подписать. Одинъ изъ этихъ счетовъ былъ писанъ катехизаторомъ, но я забылъ объ этомъ, а отличить почеркъ руки китайца очень трудно. Случайно этотъ счетъ я предложилъ провѣрить, безъ всякой тѣни сомнѣнія въ немъ. Молодой педагогъ такъ обидѣлся, что бросилъ счета и со слезами выбѣжалъ изъ комнаты. Отъ этого несчастнаго случая я страдалъ ничуть не менѣе самого обидѣвшагося, отношенія наши испортились, а это не хорошо отразилось на нашемъ общемъ дѣлѣ. Мы продолжали заниматься въ школѣ катехизаціей, но нашими слушателями были только ученики,—изрѣдка лишь заходилъ кое-кто изъ взрослыхъ христіанъ. Точно также не пошло дѣло и съ поученіями за литургіей, требовавшими предварительныхъ долгихъ разучиваній, по плохому еще пониманію мною тогда китайской рѣчи и по невозможности предоставить это дѣло одному катехизатору. Въ послѣднемъ я убѣдился съ перваго же раза, когда катехизаторъ взялъ проповѣдь совѣмъ не идущую къ дѣлу. Авторъ проповѣди, повидимому американецъ, громилъ обычай китайцевъ, совѣтовалъ подражать всему европейскому, въ противномъ же случаѣ угрожалъ паденіемъ китайскаго государства, ссылаясь на бывшую японо-китайскую войну, словомъ—неистовствовали на политической почвѣ. Катехизаторъ полагалъ, что въ присутствіи европейца все китайское нужно бранить и что это мнѣ будетъ нравиться.

Вообще и въ эту поѣздку я такъ истомился нравственно, что радъ былъ сидѣть и въ тряской телѣгѣ, когда возвращался обратно въ Пекинъ. Мысли мои, однако же, не оставляли деревни, я проходилъ воображеніемъ дни, проведенные мною въ Дунь-динь-ани, переживалъ опять всѣ свои неудачи, видѣлъ недостатки своей дѣятельности, и жалѣлъ, что рѣдко посѣщаю свою паству, мало назидая, мало пріобрѣтаю опытности и навыка въ обращеніи съ ними.

V.

Вернувшись въ Пекинъ, я просилъ начальника миссіи оказать вниманіе Дунь-динь-аньской школѣ посѣщеніемъ ея.

Рѣшено было поѣхать въ Дунь-динь-ань, устроить тамъ торжественное богослуженіе и для этого избранъ второй день св. Пасхи.

Приготовленія къ отъѣзду, задолго начатыя, къ сроку были окончены, настало и время отъѣзда. Поѣздъ изъ десятка китайскихъ телѣгъ представлялъ для насъ веселую праздничную картину, по нашему внутреннему настроенію: Пасха и въ Китаѣ остается Пасхою для насъ. Кромѣ начальника миссіи и меня ѣхали: діаконъ, паномарь и пѣвчіе. По дорогѣ всюду мы привлекали вниманіе китайцевъ, которые съ любопытствомъ спрашивали, куда мы ѣдемъ съ такимъ „торжествомъ“? Остановливались въ дорогѣ только на полчаса и прибыли въ Дунь-динь-ань еще до заката солнца. Нечего и говорить, что пріемъ намъ былъ оказанъ самый радушный: китайцы-христіане встрѣчать и провожать насъ выходили за околицу деревни. Церковь нами была „разукрашена“,—устлана коврами, богослуженіе совершалось необычайно торжественно, пѣвчіе пѣли съ услажденіемъ, зная, что дундинаньцы давно не слышали пасхальнаго пѣнія; радостное чувство наполняло сердца всѣхъ, можетъ быть и язычниковъ, сошедшихся съ окрестныхъ деревень и занявшихъ буквально всю площадь и улицы, прилегавшія ко двору. На другой день послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ вокругъ всего двора, представившій для поселянъ чудное, невиданное зрѣлище. Лица, участвовавшія въ крестномъ ходѣ, выступали стройно парами, костюмы ихъ, всѣхъ цвѣтовъ радуги, блистали на солнцѣ своими шелковыми складками; представительная, высокая фигура начальника миссіи, окруженнаго штатомъ причта, привлекала взоры всѣхъ. Язычники, съ полнымъ уваженіемъ къ святости церемоніала, снѣжили предупредить всякія неудобства при такомъ огромномъ стеченіи народа, охотно еще съ вечера расчистили дорогу для крестнаго хода, разобравъ мѣстами изгородь изъ камыша и срывая земляныя насыпи, прилегавшія къ оградѣ. Впечатленіе на толпу произведено громадное. Великая вещь заставить язычниковъ не гнушаться христіанами изъ китайцевъ и въ сихъ послѣднихъ вселить увѣренность, что они, ища вѣры, не утратили своего достоинства въ глазахъ соотечественниковъ. Весь этотъ день прошелъ въ молитвѣ и посѣщеніи домовъ христіанъ, какъ это бываетъ обычно въ Россіи и даже много сходнаго было во внѣшней обстановкѣ молебствія. Хозяева встрѣчали насъ на порогѣ своихъ домовъ, послѣ молебствія предлагали чай и закуски. Въ одномъ домѣ по окончаніи молебна нашъ о. діаконъ полюбозытствовалъ снять со стѣны ситечко, висѣвшее вблизи православной иконы, и... къ изумленію своему увидѣлъ подъ нимъ, наклеенное на стѣнѣ, буддійское изображеніе богини плодородія. Чтобы какъ-нибудь сгладить смущеніе хозяевъ, заплѣли „Да воскреснетъ Богъ“ и послѣшили уйти изъ дома. Вечеромъ, по об-

ходѣ всѣхъ домовъ и по вечернемъ богослуженіи, пріятно было и отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ въ своемъ кругу. Помню, рѣчь шла о желательномъ расширеніи миссіонерскаго дѣла въ деревнѣ, указывались мѣры и способы дѣйствій. Всѣ соглашались съ тѣмъ, что, пріѣзжая разъ или два въ годъ, трудно подвинуть дѣло благовѣстія впередъ, что для успѣха проповѣди и поддержанія православія нужно здѣсь имѣть уютный миссіонерскій „уголокъ“, гдѣ можно было бы и школу оставить поудобнѣе. Для этого находили нужнымъ расширить участокъ земли пріобрѣтеніемъ сосѣднихъ съ дворомъ земель и завести на нихъ какое-нибудь хозяйство. Но когда справились объ этихъ сосѣдяхъ, то оказалось, что не продаютъ или дѣною дорожатся...

При отъѣздѣ нашемъ произошло маленькое замѣшательство, вслѣдствіе заявленія китайцевъ-христіанъ, что они обижены раздачей пособія — только по одному доллару, тогда какъ пекинскіе христіане, какъ имъ извѣстно, въ этомъ году получили по два доллара. Было велѣно расходчику удовлетворить претензію.

VI.

Наступилъ май 1900 года. Боксерское возстаніе широкой волной разлилось по сѣверному Китаю, захватило и Чжилійскую провинцію. Дунь-динь-ань сдѣлалась однимъ изъ станомъ для вербовки боксерскихъ полчищъ. Богъ вѣсть откуда прибывшіе люди предлагали дундинаньцамъ вступать въ общество „большаго кулака“, заучивать безсмысленныя изрѣченія заклинанія „ихотуанцевъ“¹⁾, поступать въ ряды своеобразной арміи ихъ, противорѣчащимъ угрожали смертью. На пустыряхъ деревни, въ нѣсколькихъ мѣстахъ боксерами были воздвигнуты „жертвенники“, если можно такъ назвать кубики въ полтора аршина высотой, сложенные изъ кусковъ дерна и мелкаго битаго кирпича. Днемъ вокругъ этихъ жертвенниковъ можно было видѣть лишь сильно притоптанную пыль, да небольшіе клочки красныхъ тряпокъ, по къ вечеру собиралась толпа желающихъ „учиться“. Являлись и учителя гимнастическихъ, кабалястическихъ и другихъ упражненій. Съ непремѣнной таинственностью и бормотаньемъ своихъ заклинаній эти импровизованные учителя насаждали свою науку, достаточно подготовленныхъ принимали въ свою артель и выдавали имъ внѣшнее отличіе, — красныя повязки на рукахъ и ногахъ, а болѣе воодушевленныхъ и способныхъ къ гипнозу назначали учителями и предводителями группъ. Группы эти ходили по деревнѣ, ища людей несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ, заставляли ихъ силою дѣлать поклоненіе Небу, и себѣ, какъ выразителямъ воли Неба, героическому духу

¹⁾ Китайское названіе боксеровъ.

Гуань-ди и другимъ божествамъ. Часто предводителями такихъ группъ являлись жрецы разныхъ китайскихъ религиозныхъ культовъ, тѣ носили съ собой еиміамъ и принуждали воскурять его всѣхъ, встрѣчавшихся на улицѣ прохожихъ. Лицъ, принимаемыхъ въ общество, заставляли также дѣлать поклоненія передъ жертвенниками, на которыхъ ставились изображенія духовъ и геніевъ, или, просто, горѣли курительныя свѣчи. Фехтованіе на длинныхъ ножахъ составляло главную часть боксерской науки, а учителями признавались тѣ, которые вслѣдствіе особаго „избранія“ Неба, а также и старанія въ усвоеніи заклинаній и гимнастическихъ приемовъ, получали способность неуязвимости оружіемъ. Таковыя прорицанія, знали гдѣ можно доставать пищу для артели и имѣли у себя неразмѣнныя деньги. На простой народъ вся эта небывальщина дѣйствовала обаятельно, таинственность завлекала многихъ, а кто и не вѣрилъ, то боялся: съ перваго же раза боксеры показали примѣры разграбленія имущества нѣсколькихъ богатыхъ людей, не поддававшихся ихъ вліянію, а власти бездѣйствовали. Многіе изъ поселянъ, не понимая, что отъ нихъ требуютъ пришлецы, оставляли свои семьи и искали спасенія въ бѣгствѣ. Такъ какъ боксеры не скрывали своего возбужденія противъ европейцевъ, то дунъ-динъ-аньскій катехизаторъ, сознавая приближающуюся бѣду, запросилъ меня, не нахожу ли я нужнымъ ходатайствовать о вызовѣ изъ уѣзднаго города роты китайскихъ солдатъ для охраны церкви? Меня нѣсколько удивило такое довѣріе китаецъ къ своимъ солдатамъ. Какъ онъ могъ не знать, что въ то время солдаты были „ничуть не лучше“ боксеровъ. Это письмо меня сильно встревожило, но я не хотѣлъ тревожить начальника миссіи посылкой ему телеграммы (онъ былъ въ отлучкѣ), написалъ письмо, по которому начальникъ скорѣе пріѣхалъ въ Пекинъ, а на другой же день выѣхалъ въ Дунъ-Динъ-ань въ сопровожденіи двухъ пѣвчихъ. Въ то время волненія уже начали проявляться подъ Пекиномъ и мы очень боялись за жизнь путешественниковъ. Они однако же благополучно возвратились назадъ. Многихъ христіанъ они не нашли въ ихъ домахъ, оставшіеся же неохотно обнаруживали себя толпѣ и замѣтно опасались обращенія съ европейцами. На предложеніе начальника миссіи слѣдовать за нимъ въ Пекинъ, дунъ-динъ-аньскіе христіане отказывались, да Пекинъ въ то время казался еще менѣе обезпечивающимъ безопасность своихъ гражданъ. Движеніе такъ охватило все, что нечего было и думать укрыться куда-либо нашимъ христіанамъ. Черезъ недѣлю храмъ и дворъ нашъ въ Дунъ-динъ-анъ былъ сожженъ, катехизаторъ бѣжалъ въ Пекинъ, нѣкоторые изъ школьниковъ оказались въ рядахъ боксеровъ. На другой или третій день послѣ этого и духовная наша миссія вынуждена была оставить свою церковь на сѣверѣ Пекина и переселиться въ южную часть го-

рода, къ посольствамъ, гдѣ пробыла въ осадѣ два мѣсяца до прихода соединеннаго европейскаго отряда, освободившаго насъ... Прошли европейскія войска по Чжилійской провинціи, разогнали шайки мятежниковъ. Поселяне обратились къ своимъ мирнымъ занятіямъ, стали запасаться нужнымъ къ зимѣ. Прошла и зима, а дворъ и церковь наша въ Дунь-динь-ани не возобновлялась. Прихожане могли подумать, что насъ или въ живыхъ нѣтъ, или мы забыли о деревнѣ. Но дѣло объясняется проще: вскорѣ послѣ подавленія возстанія миссія наша переведена была въ Тянь-цзинь, затѣмъ начальникъ миссиі выѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ и я оставался одинъ на большой районъ служить духовнымъ интересамъ русскихъ и крещеныхъ китайцевъ, собравшихся къ намъ послѣ погрома. Нечего было и думать о поѣздкѣ въ Дунь-динь-ань. Дундинаньскіе же христіане между тѣмъ возвратились къ своимъ домамъ и, обсудивъ свое положеніе, привели въ ясность убытки отъ погрома ихъ жилищъ и предъявили куда слѣдуетъ искъ въ возмѣщеніе убытковъ. Назначено было слѣдствіе; въ деревню явилась комиссія изъ китайскихъ и русскихъ чиновниковъ, съ казаками, и выяснила, что изъ христіанъ тамъ убито 8 человекъ, нѣсколько домовъ разрушено, отысканы и виновники грабежей, тутъ же въ деревнѣ присуждено было взыскать съ нихъ около пяти тысячъ лань серебра, изъ котораго половина опредѣлена на сооруженіе православной церкви.

Дундинаньцы хорошо получили за свои убытки, но какъ теперь будутъ смотрѣть на насъ ихъ односельчане, уплатившіе пеню за погромъ? Раззорено было нѣсколько домовъ и язычниковъ, вмѣстѣ съ христіанскими, но удовлетвореніе за убытки получили только христіане...

Крылатая мысль, облетѣвшая за часъ ѣзды по Мукдену различныя мѣста и событія нѣсколькихъ лѣтъ, нашла бы себѣ переходъ въ другія области,—проектовъ и предположеній, если бы вниманіе мое не было привлечено раздавшимся шумомъ, который вывелъ меня изъ забытья и заставилъ очнуться. Впереди стоялъ тяжело нагруженный досками возъ, заграждая намъ путь, рядомъ съ нимъ маленькаго роста солдатикъ въ бѣломъ кителѣ и фуражкѣ усиленно работалъ хлыстомъ по спинѣ оторопѣвшаго китайца—извозчика, который жался къ возу и инстинктивно силился заградить себя отъ побоевъ костлявыми руками. Осмотрѣвшись, я понялъ, что пріѣхалъ къ мѣсту своего назначенія—къ подворью русской лѣсопромышленной компаніи. Пользуясь гостепріимствомъ о. Тимофея, строителя мукденскаго русскаго госпиталя, я провелъ здѣсь два спокойныхъ дня въ свѣтломъ, просторномъ и уютномъ помѣщеніи и записалъ эти строки.

Архимандритъ Авраамій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки